

A black and white portrait of a woman with dark, wavy hair, looking off to the left. She is wearing a dark jacket over a light-colored collared shirt. The image has a soft, slightly grainy texture. Two lines of text are overlaid on the image in a white, cursive script.

Марк Кабаков

Твое дыхание рядом...

Марк Кабаков

Твое дыхание рядом... (сборник)

«Книга-Сэфер»

2009

Кабаков М. В.

Твое дыхание рядом... (сборник) / М. В. Кабаков — «Книга-Сэфер», 2009

В этот сборник старейший российский поэт Марк Кабаков включил лучшие свои стихи о Любви, написанные за 60 лет.

© Кабаков М. В., 2009

© Книга-Сэфер, 2009

Содержание

| | |
|--|----|
| Предисловие и признание в любви одновременно | 5 |
| «Это только стихи...» | 7 |
| «Я думаю так часто о тебе...» | 8 |
| «Девочкой в зеленых босоножках...» | 9 |
| «О, прильни к моей груди...» | 10 |
| День рождения | 11 |
| «А поезд мчится по степям...» | 12 |
| «Не целуй меня публично...» | 13 |
| «Ну что из того, что я пил и гулял...» | 14 |
| «Одиночество – грустная штука...» | 15 |
| «Уже надорван лист последний...» | 16 |
| «Знаешь, я задумывался часто...» | 17 |
| «Как будто всегда хватает...» | 18 |
| «Катера на слипе стынут...» | 19 |
| «Я не очень-то шторма трушу...» | 20 |
| «Ты и мать...» | 21 |
| «Женщина в расцвете нежных сил...» | 22 |
| «А помнишь, было время...» | 23 |
| Не старей | 24 |
| Прогулка в Крыму | 25 |
| «И все-таки я не забуду Юг...» | 26 |
| «День уже до отказа выжат...» | 27 |
| «...Смотрится в окна...» | 28 |
| «Все мне чудится...» | 29 |
| «Томимый предчувствием чуда...» | 30 |
| «Порой бывает скверно...» | 31 |
| «Стучите...» | 32 |
| «Как согрешивший инок...» | 33 |
| «Второй отсек...» | 34 |
| «Сквозь цветы...» | 35 |
| «На планете обетованной...» | 36 |
| «Полощет море кружева...» | 37 |
| «Огни уходят в воду...» | 38 |
| О сравнениях | 39 |
| «Хорошо быть богатым...» | 40 |
| «Кино в салоне крутят...» | 41 |
| Конец ознакомительного фрагмента. | 42 |

Марк Кабаков

Твое дыхание рядом... (сборник)

*Автор выражает искреннюю благодарность
Александру Шарфману
за помощь в издании этой книги*

Предисловие и признание в любви одновременно

Я прожил с ней долгую и, как это обычно бывает, непростую жизнь. Она родила мне двоих сыновей, те, в свою очередь, подарили нам внуков. В таких случаях принято говорить: все, как у людей. Необычным было то, что я посвящал ей стихи. И книга, которая перед вами, только часть написанного.

Затянувшиеся признание? Может быть. Одна и та же гамма? Не исключаю. Заверяю вас в одном: и сегодня, жизнь спустя, я готов подписаться под каждой строкою. Ибо рукою автора водила Любовь. А она не может не быть искренней. В противном случае это нечто другое. И называется тоже по-другому...

В невероятно далеком 1948 году, зимой, молодой североморец приехал в свой первый офицерский отпуск в родную Москву. Как вы понимаете, это был автор. И отправился проводить тетю Фиру, которая лежала в клинике на Пироговке. Одет лейтенант был соответственно: больничный халат оттопыривал кортик, новенькая, с иголки, тужурка сияла золотом нашивок и погон, позвякивали медали.

И надо же случится такому: с койки, что стояла рядом с тетушкиной, на него уставились опущенные длинными ресницами карие глаза. Девушка весело оглядывала диковинного посетителя, алые губы улыбались...

Признаюсь, автор тогда не разглядел ни каштановых локонов, закрывающих плечи, ни розовых щек. Он куда-то спешил. Да и студентке 4 курса МВТУ им. Баумана он не очень-то и понравился. Словом, две-три ничего не значащих фраз – и, поцеловав тетушку, лейтенант убежал. В зимнюю, скрипящую снегами, шумную Москву. И прошло полтора года. И в мамин подвале на Кировской автор увидел давешнюю студентку. Они с мамой курили и о чем-то оживленно разговаривали. Лейтенант был приятно удивлен встрече (как потом выяснилось, неожиданной только для него...), студентка и впрямь была хороша.

Лейтенант писал стихи и охотно читал их, даже если его об этом не просили. А тут приглашение последовало. И он начал читать. О боевом тралении, о соленых брызгах, которые долетали до рубки, о мерцающих полотнах полярных сияний...

Подперев щеку рукой, девушка слушала. Похоже, это ее заинтересовало...

Он пригласил ее в театр. Его другая тетушка, Ида, продавала театральные билеты, и он знал, что она постарается. Так оно и вышло. Они встретились. В Ленкоме давали «Сирано де Бержерак» с Берсеневым и Гиацинтовой, театр был полон. Но и в этой толпе они были заметны. Черноволосый моряк с неизменным кортиком и она, в длинном по тогдашней моде, крепдешиновом платье...

До конца отпуска оставалось немного, они стали встречаться едва ли не ежедневно. У него кружилась голова. От ее духов, сверкающих глаз. И случилось то, что должно было случиться. И он укатил на свой север, в неведомый ей город Полярный. И в бешеной предотъездной гонке, с вечеринками, тостами, речами, он забыл в Москве записную книжку, где был ее адрес и телефон! А когда сообразил, что то и другое можно узнать через маму и тетю Фиру, было поздно.

Он получил письмо, в котором она писала, что если он пошутил, то и она, разумеется, тоже, что можно и нужно забыть, что... Словом, она оказалась гордой девушкой, его ненаглядная Майя.

Он кинулся в Мурманск, на Почтамт, дозвонился. И прошел еще год. И старший лейтенант вернулся. А она как раз защитила диплом.

В гигантской коммуналке во Втором Обыденском, где она жила с родителями, подходящее помещение для свадьбы было только у Мориса Михайловича, соведа. Он-то и абонировал им «залу» с неременным условием: «Я даю ее вам только в первый и последний раз!». Что ж, они выполнили его просьбу, другого раза не требовалось.

Мы меняли флота, города, квартиры. Нашим последним причалом стала Москва. Пятьдесят два года – подумать только – мы были отчаянно счастливы!

У Александра Грина есть фраза: «Они жили долго и счастливо и умерли в один день».

Она прекрасна, как и всякая сказка. В жизни такого не бывает...

Теперь я вижу ее каждый день. Я надеюсь, читатель, что прочитав эту книгу, вы тоже Ее увидите. Я очень хочу этого.

Автор

«Это только стихи...»

Это только стихи
для тебя и меня,
Я немало на лирику
чувств разменял,
Но для этих стихов
из написанных строк
Только самые лучшие
в сердце сберег.

Полярное. Октябрь 1949

«Я думаю так часто о тебе...»

Я думаю так часто о тебе,
Что стали для меня неразличимы
Судьба моя и ты в моей судьбе,
А остальное все проходит мимо.

Как на экране в памяти моей
Мелькают лица, чувств не вызывая,
Как будто в бесконечной ленте дней
Мир потускнел и только ты —
Живая.

Полярное. 29 декабря 1949

«Девочкой в зеленых босоножках...»

Девочкой в зеленых босоножках
Ты казалась мне
В тот поздний час,
Девочкой усталою немножко,
С очень грустным взглядом карих глаз.
Припадал перрон к вагонам тесным,
Закипал, бурлил людской поток...
Ты найти пыталась тише место,
Беспокойно теребя платок.
И решила видно проводница,
Проверяя у меня билет,
Что конечно это не годится:
Замуж выходить в семнадцать лет.
Вот тогда,
О том ты не узнала,
Понял я, как ты мне дорога,
На перроне шумного вокзала,
За одну минуту до гудка.

Москва. Июль 1951

«О, прильни к моей груди...»

О, прильни к моей груди
Головою в бигуди!

Алма-Ата. Март 1953

День рождения

Нынче солнце светит ласково
С бледно-синей высоты
И сиреневою сказкою
В нашей комнате цветы.

Это праздник твой, хорошая,
Праздник света и тепла,
Мне их ты, на май похожая,
В день счастливый принесла.

С той поры нам счастье яркое
Т не в судьбах дело тут:
Я видал, как за Игаркою
Летом лилии цветут.

Ну а нам считать ли месяцы?
Наше лето без конца.
И два карих солнца светятся
С ненаглядного лица.

Алма-Ата. 9 мая 1953

«А поезд мчится по степям...»

.....

А поезд мчится по степям,
Как всадник в полный рост.
Мне до тебя, мне до тебя
Осталась тыща верст.

Поезд Алма-Ата – Москва. 7 июля 1954

«Не целуй меня публично...»

Не целуй меня публично:
Это слишком неприлично.
А целуй меня интимно —
Это менее противно.

Алма-Ата. Январь 1955

«Ну что из того, что я пил и гулял...»

Ну что из того, что я пил и гулял,
Ну что из того, что задаром,
Я душу свою и себя раздавал
Любым ресторанам и барам.
Ведь песню я вынес,
Ведь песню сберег
И ночью, порою осенней,
Любимой своей положил на порог
Цветущею веткой сирени.

Алма-Ата. 22 февраля 1955

«Одиночество – грустная штука...»

Одиночество – грустная штука.
Ну куда я сегодня пойду?
Мне уж поздно мальчишкой аукать
За сиреновой веткой в саду.
Вот и снова назойливый вечер
Раскраснелся, смущая покой,
И каштанов пушистые свечи
Одуряюще пахнут весной.
Небо с морем слились воедино,
Только там, где оранжевый дым,
Еще длится зари поединок
С тонким пламенем первой звезды.
На причалах влюбленные пары,
Чью-то песню качает волна,
Но со мною на карточке старой
Ты любимая, ты лишь одна.

Балтийск. 5 июня 1956

«Уже надорван лист последний...»

Уже надорван лист последний
На отрывном календаре,
Уже за областью соседней
Звенят бокалы —
В январе.
Я после вахты в этот вечер
Пишу, любимая, тебе.
Пусть будет радостью отмечен
Грядущий год в твоей судьбе.
А если я в судьбе не властен,
То пожелать одно хочу:
Встречать и солнце и ненастье
Всегда с тобой плечо к плечу.
Я знаю:
Ярче с годом каждым
Над необъятностью Земли
Горит звезда,
Что мы однажды
Руками нашими зажгли.

Балтийск. 30 декабря 1957

«Знаешь, я задумывался часто...»

Знаешь, я задумывался часто,
(Ночью тишина вдоль Апшерона),
Может быть по каплям наше счастье
Мы с тобой теряем на перронах?
Нет тебя,
Брожу, как неприкаянный,
Здесь луна огромная, как в сказке,
И поют в кустарнике отчаянно
Соловьи, охрипшие от ласки.
К берегам горячим, цвета меди,
Море льнет прозрачною волною.
Щедрый край!
А я душою беден,
Оттого, что нет тебя со мною.

Баку, Мардакяны. 18 октября 1960

«Как будто всегда хватает...»

Как будто всегда хватает
Времени для работы
И только не остается
Каких-то пяти минут,
Чтобы тебе поведать,
Кто для меня и что ты,
Чтобы назвать словами,
Какие в сердце живут.
Мне наплевать на годы,
На первый холод осенний:
С осени начиналась
Наша с тобой весна.
Помнишь:
Дачный поселок,
Крыльцо в четыре ступени?
Помнишь:
Луна над крышей
И первая ночь без сна?

Балтийск. 13 октября 1961

«Катера на слипе стынут...»

Катера на слипе стынут,
Стынут катера...
Скоро я тебя покину,
Мне давно пора.
Из-за мола ветер резок,
Ежится причал...
Мне бы сердце из железа —
Я бы не скучал.
Ведь живет без моря катер,
Сохнет,
А живет.
Серый ветер волны катит,
Скоро дождь пойдет.

Балтийск. 1962

«Я не очень-то шторма трушу...»

Я не очень-то шторма трушу,
Налетит волна – устою.
Но когда опоганят душу
Неожиданно устаю.
И не хочется ничего мне
На обманутом берегу.
О тебе, Единственной, помню
И навстречу тебе бегу.

Балтийск. 10 октября 1961

«Ты и мать...»

Ты и мать,
И кухарка, и прачка,
И учительница, и жена.
Нелегка эта чертова тачка
И надолго тебе суждена.
Я тебе, как могу, помогаю
И когда попадется овраг
И тяну я ее и толкаю —
И не требую мелочных благ.
Только жалко мне рук твоих белых
И каштановых теплых волос,
И чего бы я только не сделал,
Чтоб тебе по-иному жилось.
— По-иному?
А как же иначе? —
Как смеется твой голос звеня!
...Ты не стала покоем богаче,
Просто любишь, как прежде, меня.

Балтийск. 18 декабря 1961

«Женщина в расцвете нежных сил...»

Женщина в расцвете нежных сил,
Страстью полыхающее тело,
Женщина, которую Отелло
В общем-то, за дело
Задушил...
Мне бы так,
Инициативно, смело,
Но заполонила, завладела,
Женщина
В расцвете нежных сил.

Балтийск. 9 мая 1962

«А помнишь, было время...»

А помнишь, было время:
Два платица на плечиках,
Но было нам не вредно
Бродить с утра до вечера?
Каштановые кудри
До самых плеч...
Плавали мы на мудрость:
Себя беречь
.....
Теперь в шкафу манто.
Не то.

Пионерск. 10 мая 1961

Не старей

Не старей.
Будь добрее или злей,
Если хочешь
Можешь мучить
Даже ревностью своей,
Только не старей.
Ради Бога,
Не старей.
Пусть состарюсь я скорей,
Пусть меня морщины метят,
А тебя – загар полей,
Только не старей.

Пионерск. 10 мая 1962

Прогулка в Крыму

Как нависли эти горы
Над прибрежною тропой!
Словно мамонты, которых
Потянуло к водою.
Залегли на серой шкуре
Фиолетовые складки,
Брови каменные хмуры,
Наступают нам на пятки.
Ты коричневой рукою
Треплешь мамонтовы морды.
Никогда тебя такую
Не видал
В нарядах модных,
Не видал такую стройной,
Не видал такую спорой.
Небо трепетно
И знойно,
Слева море,
Справа горы.

Феодосия. 16 августа 1962

«И все-таки я не забуду Юг...»

И все-таки я не забуду Юг.
Пускай мы жили, как на бивуаке,
Пусть беды шли по следу
Как собаки —
И все-таки я не забуду Юг.
Здесь ты была.
Сквозь пыльную завесу
Я чувствовал глаза твои всечасно,
Нас цыпочках входило ночью счастье
И звезды загорались на воде.
И если я умру,
И вновь воскресну,
Не захочу ни почестей,
Ни власти,
А только чтоб опять полночный город,
И стук сердец.
И ты.
Всегда.
Везде.

Феодосия. 14 сентября 1963

«День уже до отказа выжат...»

День уже до отказа выжат,
В хлопотах,
Впопыхах.
Снова вечер ползет по крышам
С краюхой солнца в зубах.
Пусто и гулко в моей квартире,
Посвист ветра в трубе...
Я думаю с болью
О главном в мире,
Я думаю о тебе.

Феодосия. 26 сентября 1964

«...Смотрится в окна...»

...Смотрится в окна
Хмурая темень
И фотографии
В лаковых рамах,
Как эпитафии.
Слушай, как странно
Это звучит:
«Эпитафия»,
«Вечность»,
Словно поодаль
Зловещее нечто,
Словно оно
Сторожит за порогом.
Если и так,
Пусть помедлит немного,
Пусть подождет,
Нам с тобою
Не к спеху,
Ночь за окном.
И твой шепот, как эхо.

Феодосия. 31 октября 1963

«Все мне чудится...»

Все мне чудится
Едва глаза закрою,
Переулок у Кропоткинских ворот.
Там девчонка,
Незнакомая с бедою,
До сих пор еще невестою живет.
По безлюдному,
Полночному Арбату
В белом платье ходит об руку со мной.
...Тлеет море,
Подожженное закатом,
Наши мальчики уснули за стеной.

Феодосия. 5 июня 1964

«Томимый предчувствием чуда...»

Томимый предчувствием чуда,
Бреду по весне наугад.
С высоких небес отовсюду
Глаза голубые следят.
Наверно еще не остыли
Мечты о крылатых богах...
Вдруг вспомню!
Взлечу без усилий
На пятый этаж в облаках.
И буду глядеть изумленно,
И видеть иные черты.
– Ты знаешь,
Я встретил Мадонну,
Такую же точно, как ты.

Феодосия. 21 января 1965

«Порой бывает скверно...»

Порой бывает скверно
И кровоточит память,
Как будто в ней каверна
С которой трудно сладить.
Какие тут лекарства!
Все утешенья слабы.
Приди.
Скажи мне:
– Здравствуй!
Ну позвони хотя бы.

Феодосия. 6 мая 1965

«Стучите...»

Стучите,
стучите,
стучите колеса,
Но тише,
но тише,
по стыкам, откосам.
О, дикие мысли, нелепые бреды!
А вдруг не доедут?
А вдруг не приедут?!
Над будкой фанерной
Часы, словно камень.
Минуты по нервам:
Толчками, толчками.
Моя дорогая,
Мои дорогие,
Я вас ожидаю,
Как будто впервые,
Как будто ни разу
Меня не мотало
По мокрым причалам,
По гулким вокзалам.
Скорее,
скорее,
скорее,
скорее!
Любовь не стареет,
Тоска не стареет.
И вот он, грохочущий,
В сером дыму!
Давая, старина,
Я тебя обниму.

Феодосия. 29 мая 1965

«Как согрешивший инок...»

Как согрешивший инок —
На образа,
Гляжу,
Гляжу повинно
В твои глаза.
Гляжу в твои озера,
В их чистоту.
Прости мне наши ссоры
И суету,
Прости мне окаянство
Ночей хмельных,
Прости непостоянство
Речей моих.
Единственная в мире,
Навек одна!
Мы чашу не испили
С тобой до дна.
И верю я безбожно,
Но не судьбе,
Не догмам непреложным —
Одной тебе.

Феодосия. 15 мая 1965

«Второй отсек...»

Второй отсек
Жилой отсек,
Прилег на койке человек.
Он командир.
Коротким:
«Есть!»,
Встречают все его слова.
Ему,
Единственному здесь,
Доступна неба синева.
Когда всплывем под перископ,
Он в океане голубом
И свежий воздух видит впрок,
И ливень солнечный кругом.
Его глазами вижу я
тебя в зеленом городке...
Второй отсек,
Отсек жилья,
Спит командир накоротке.

Черное море. 15 сентября 1966

«Сквозь цветы...»

Сквозь цветы,
Сквозь кусты —
На такси,
Сквозь потоки весеннего воздуха!
Хочешь я соскочу
И без роздыха
По горам?
Только ты попроси,
Прикажи мне,
Скажи, что не в силах ты,
Начинает акация цвести.
Ненаглядная,
жаркая,
милая,
Мне опять двадцать шесть.

Симферополь – Феодосия. 3 апреля 1968

«На планете обетованной...»

На планете обетованной,
Где споткнешься —
И сразу в кровь,
Просыпается утром рано
И смеется моя любовь.
И опять на земле порядок,
Репродуктору вопреки.
Теплота каштановых прядок,
Доброта горячей руки.

Москва. 20 мая 1969

«Площет море кружева...»

Площет море кружева,
Наверно ночью шторм нагрянет,
А красота твоя не вянет
И нежность давняя жива.
Я в синий сумрак окунусь,
Едва сыграют погружение.
Твое лицо, твои движенья,
Твой взгляд я знаю наизусть.
Волна лизнула руку мне
И улеглась в тени, у пирса.
Я так давно в тебя влюбился
А ты со мной, на глубине.
Волна лизнула руку мне.

Феодосия. 3 июля 1970

«Огни уходят в воду...»

Огни уходят в воду
Вертикально,
На мачтах звезды,
В небе – ни одной.
Мелодией раздумчиво-печальной
Кончается сегодня выходной.
Уже красавцы шарового цвета
Спиной к причалам дремлют корабли...
Безмолвен рейд.
И ты уснула где-то,
От бед моих и радостей вдали.

Севастополь. 7 мая 1969

О сравнениях

Поэты в выдумках неистовы,
Они творят нерукотворно.
Любимых сравнивая с пристанью,
Куда приходят после шторма.
И с облаками,
И со звездами,
Не говоря уже о песне.
Любимым все сравненья розданы
И нет вакантного, хоть тресни.
Тебе признаюсь откровенно я,
Что не грущу о том нисколько.
Ты есть и будешь несравненная,
Ты несравненная —
И только.

Севастополь. 7 октября 1968

«Хорошо быть богатым...»

Хорошо быть богатым
И деньгами, конечно.
Я б не строил палаты
Для подруги сердечной,
Я б не трясся над «Волгой»
Последней модели...
Я б уехал надолго
В начале апреля,
Когда пахнет весной
Земля голубая,
А забрал бы с собою
Тебя, дорогая,
Чтобы не было быта
В понимании грустном,
Ни кастрюль,
Ни корыта,
Ни засола капусты.
...Ты устало зеваешь:
– Ах, как это нескоро...
И опять называешь
Меня фантазером.

Москва. 25 июня 1968

«Кино в салоне крутят...»

Кино в салоне крутят,
День выпал штилевой...
Как много всякой мути
Осталось за кормой!
Быть надо в океане
Неделю или год —
И сам собою канет
Груз мелочных забот.
Познаешь бесконечность
И неба и воды,

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.